

Позиция поля политики как предмет социологической теории

Зачем нужна концепция поля политики?

Одна из трудностей описания проблем политической жизни заключается в том, что социологические утверждения о тех или иных политических явлениях и процессах, коль скоро они претендуют на действительную научность, можно формулировать лишь в рамках некоторой теоретической модели. Но выбор адекватной модели, ее обоснование в предварительном содержательном анализе соответствующего круга явлений всегда связаны с индивидуальностью исследователя, его политической позицией, "социальной траекторией" и т.п. Социологическая концепция поля политики является скорее структурно-рефлексивной техникой, чем академической дисциплиной. Все ранее полученные нами результаты [1], кроме тех, из которых следует тождественность вновь введенных понятий старым, могут быть получены рутинными методами. Следовательно, предлагаемая концепция может претендовать на интерес читателей лишь постольку, поскольку она позволяет дать более изощренное, "рефлексивное" описание политической жизни или (что существеннее) новый социологический результат.

Что касается первого, судьями должны быть читатели. Хотя достижения теории поля политики на сегодняшний день более чем скромны по сравнению с целями, которые перед ней стоят, тем не менее в ней содержится несколько идей и представлений, заслуживающих, быть может, того, чтобы довести их до сведения социологов.

Наилучшим основанием для второго служит концептуализация политической

жизни современной России как топологии виртуальных позиций, ответившая на несколько вопросов, которые оставались открытыми в течение последних лет "постперестройки": Почему политическая структура России существует, но не действует, или действует, но в совершенно "измененной" форме? Почему политическая жизнь России направляется импульсами, возникающими "по ту сторону" исторически сложившихся форм совместной политической деятельности? В каких границах упорядоченные политические отношения могут быть эффективны? Что такое политическая жизнь сегодня и кто ее субъекты?

Ю.Л. Качанов, кандидат философских наук, руководитель отдела социологии Центра ИНДЕМ

Техника социоанализа поля политики

С точки зрения социологии изучение поля политики сосредоточено в области рефлексивного исторического анализа непосредственной политической практики. Наша концепция, кроме того, предполагает анализ политической практики с помощью метода "идеальных элементов". Например, исследуя изменения политических объектов, мы вводим идеальные элементы, расположенные "бесконечно близко" к изучаемым объектам поля политики, а также "бесконечно удаленные" идеальные объекты. В настоящем сообщении этот метод проиллюстрирован на примере понятия *иное политическое положение*.

В концепции поля политики мы работаем с двумя универсумами — с множеством агентов поля политики (с их практиками, диспозициями, взаимодействиями, ресурсами и т.д.) и с ансамблем политических позиций. Для формулиро-

вания утверждений, двусмысленных в той мере, в какой они могут быть отнесены к любому из этих двух универсумов, используется специальный социологический язык. Существуют как минимум три формальных инструмента социологического анализа поля политики.

Один из них, принцип переноса, связывает утверждения на социологическом языке, описывающем практики и диспозиции агентов, с утверждениями, касающимися отношений между политическими позициями. Примерами применения этого принципа служат понятия *чувство политического, докса, легитимное насилие* [2].

Другой теоретический прием — принцип направленности, из которого следует, что поле политики содержит все возможные пополнения, расширения и т.п. Этот прием особенно плодотворен при анализе автономии и борьбы в поле политики.

Третьим приемом является техника противопоставления синхронного и диахронного анализов, позволяющая раскрыть логику существования того или иного явления в поле политики на основе изучения его генезиса.

Социологическая "реконструкция" повседневной политической жизни — очень увлекательный процесс, который дает возможность открыть еще не известные законы. Однако при социологическом описании приходится значительно сужать исходную информацию и абстрагироваться от множества феноменов. Все это вынуждает нас не возлагать больших надежд на социологию и быть крайне сдержанными в выводах. С другой стороны, социологические концепции ценны сами по себе как элемент культуры и являются полезным упражнением.

Социальное пространство и поле политики

"Прежде всего социология представляет собой социальную топологию. Так, можно представить себе мир в

форме многомерного пространства, построенного по принципам дифференциации и распределения, которые конституируются через совокупность активных свойств в рассматриваемом универсуме, т.е. свойств, способных придавать его владельцу силу и власть в этом универсуме. Агенты и группы агентов также определяются по их соотносительным позициям в этом пространстве. Каждый из них размещен в позиции и в классы, определенные по отношению к соседним позициям (т.е. в определенной области данного пространства), и нельзя реально занимать две противоположных области в пространстве, даже если мысленно это возможно" [3, с.17].

Наивно было бы представлять себе социальное пространство только как "геометрическое место социальных координат агентов", т.е. "пустоту", место, где никого и ничего нет. Во-первых, сами агенты "занимают" социальное пространство, а во-вторых, "между" агентами тоже находится социальное пространство. Если допустить возможность измерения активных свойств агентов, которые конституируют социальное пространство, то тем самым мы предположим существование "квантов" этого пространства как собственно социальных объектов: нельзя определить, что такое "ничто", так как "ничто" не имеет свойств.

Для того чтобы разобораться в природе квантов социального пространства, надо понять, что же находится "между" его агентами. Естественно, квантами пространства являются практики. Пространство практик так же объективно, как и пространство агентов, но обладает другими свойствами, отличающими его от агентов и "пустоты". Таким образом, социальное пространство есть "пространство второго порядка": реальны сразу два пространства — агентов и практик, которые активно взаимодействуют друг с другом и концептуализи-

Наивно было бы представлять себе социальное пространство только как "геометрическое место социальных координат агентов", т.е. "пустоту", место, где никого и ничего нет.

рованы нами в единой логической форме.

Социальное пространство включает в себя несколько полей, и агент может занимать позиции одновременно в нескольких из них (эти позиции находятся в отношении гомологии друг с другом [3]). Поле политики есть область социального пространства, структурированная особым (политическим) типом отношений, которые строятся на основе союзов и конфликтов политических сил.

Позиция поля политики представляет собой "политическую форму", т.е. воспроизводство и производство политической практики определенного вида (действий, коммуникативных актов, социальных представлений, схем мышления, диспозиций и т.п.). Основанием позиции поля политики служит специфическое сочетание социально закрепленных за агентами капиталов — политического, социального, культурного и экономического. Это обусловлено тем обстоятельством, что любая политическая практика для своего осуществления нуждается в политических, социальных, культурных и экономических "ресурсах" (политических представлениях и диспозициях, авторитете и "связях", знаниях и умениях, привычных процедурах и условиях, свободном времени, финансировании и т.п.), которые являются капиталами в том смысле, что представляют собой структуры господства [4].

Позиция поля политики и социальный корпус

"Социальной формой" политической позиции выступает связанный с ней социальный корпус. Дело в том, что, когда мы говорим о позиции коллективного агента в поле политики, мы имеем в виду некую "усредненную" позицию гомогенной в отношении политической практики общности. Политическая позиция группового агента

имеет социологический смысл тогда и только тогда, когда близки позиции слагающих его индивидуальных агентов, а это, в свою очередь, возможно, если индивидуальные агенты образуют мобилизованную группу (см. [1]) или социальный корпус [5]. Отличие мобилизованной группы от социального корпуса заключается в том, что первая возникает на время как "живая коллективность" для реализации конкретной цели, а второй воспроизводит общность, занимающую данную политическую позицию. Необходимым условием существования социального корпуса является институализация соответствующей политической позиции, выражающаяся, например, в создании партии с ее политической проблематикой, уставом, членством, комплексом писаных и неписаных правил, норм, эталонов и т.п.

Социальный корпус формируется на основе однородности капиталов и воспроизводит габитус — всеохватывающую и протяженную во времени систему диспозиций [6]. Согласно П.Бурдьё, для члена социального корпуса габитус — это инкорпорированный корпус. Социальный корпус выполняет функцию социализации и регулирует практику своих членов. Социальный корпус обеспечивает устойчивое существование во времени соответствующей политической позиции. Можно сказать, что корпус представляет собой социальный механизм воспроизводства коллективного агента, занимающего соответствующую политическую позицию.

Если социальный корпус конституируется институтом, то может возникнуть вопрос: почему эти два понятия используются одновременно? В действительности между ними есть существенные различия. Социальным корпусом является конкретная общность, формирующаяся институтом и данной политической позицией. Например, социальный корпус — это ДДР, а институт — это политическая партия вообще.

Политическая позиция группового агента имеет социологический смысл тогда и только тогда, когда близки позиции слагающих его индивидуальных агентов, а это, в свою очередь, возможно, если индивидуальные агенты образуют мобилизованную группу или социальный корпус.

В отличие от "агента истории" Ж.П.Сартра, агент поля политики — это не эпифеномен поля, реализующий своей практикой "случайность бытия" структуры, которая трансцендентна по отношению к нему и поэтому не пробегается его сознанием. Действительно, политическая практика не есть простое следование нормам и правилам, но и не воплощение рациональных "проектов будущего", а реализация ансамбля диспозиций, сформированного в процессе жизненного опыта и потому зависящего от позиции агента, его индивидуальной социальной траектории, пространственно-временной локализации практики и т.д. Порождающая социопрагматика практики (общий метод решения проблем, встающих перед агентами в социальных ситуациях) представляет собой воплощенный в агенте принцип производства и воспроизводства актов политической практики. Этот принцип дает возможность агенту реализовывать in potentia бесконечно разнообразную практику, релевантную непрерывно сменяющимся друг друга политическим ситуациям. Переходя из системы координат объективированной структуры поля в систему координат, связанную с агентом, мы можем концептуализировать порождающую социопрагматику политической практики как *чувство политическое* — политическую стратегию, зафиксированную в ансамбле диспозиций агента. Под политической стратегией понимается система диспозиций, обуславливающая воспроизведение и развитие политической позиции, и способ реализации этой системы в практике агента. Естественно, что политическая стратегия не тождественна рациональному "проекту будущего" или сознательному перспективному целеполаганию. Понятие политической стратегии имеет нетелеологическую природу: политическая практика агента не столько подчиняется норме или целерациональной "калькуляции" (М.Вебер), сколько вырастает из чувства политического. Именно в силу

этого политическая практика никогда не бывает полностью рациональной и связанной, а всегда открыта и контингентна, как несвязна и спонтанна любая нетелоретическая система. Чувство политическое отражает допонятийный практический опыт агента, связывающий по принципу изоморфизма его диспозиции с позицией в поле политики так, что практика агента оказывается "автоматически" релевантной возникающим ситуациям.

Чувство политическое представляет собой совокупность "следов" политической практики агента и дает ему возможность спонтанно ориентироваться (воспринимать, оценивать, общаться, действовать) в политических ситуациях, хотя бы отдаленно напоминающих те, в которые он попадал раньше. Именно повторение политической практики формирует у агента способность к антиципации сиюминутной органической необходимости политической жизни. "Настоящего" политика отличает именно развитое чувство политическое, позволяющее ему непосредственно (т.е. без развернутого анализа, углубления знаний и специфических интенций) адаптироваться к превратностям политического процесса, "вписаться" в текущее состояние поля политики. Чувство политическое — это закрепленная в агенте поля политики в виде социокультурного порождающего принципа система результатов предшествующей политической практики с точки зрения условий, способов, средств и механизмов ее осуществления.

Позиция поля политики может рассматриваться как начало конца и как конец начала: она возникает и трансформируется в другую позицию. Политические позиции — это "различность" реализации поля политики (в поле существует множество различных позиций), но в то же время поле политики — это "форма" (определенность, принцип упорядочивания, "практического синтеза") производства и воспроизводства ансамбля позиций. В некотором смысле

Чувство политическое представляет собой совокупность "следов" политической практики агента и дает ему возможность спонтанно ориентироваться (воспринимать, оценивать, общаться, действовать) в политических ситуациях, хотя бы отдаленно напоминающих те, в которые он попадал раньше.

поле политики представляет собой "сверхреальное" политических позиций, поскольку оно и является теми "возможными мирами", каждый раз ограничивающими пространство виртуальных (от латинского *virtus* — энергия, сила, превосходное качество; здесь — "возможное", "предполагаемое", "эффективное", "реальное") позиций. Это "сверхреальное" образует надындивидуальную основу политической жизни, априорную по отношению к каждому агенту в отдельности и заданную "социальными отношениями" "исторического субъекта". Бытие поля политики имеет изначально "промежуточный" характер, в силу того, что оно автономно "не до конца", зависит от "иного", которое уже не есть политическая реальность. Единственным атрибутом бытия поля политики, который сообщает полю качество реальности, является его "действенность".

Состояние и политическое качество позиции

Политическая позиция является одним из фундаментальных концептов поля политики, однако зачастую анализируются те или иные его "суррогаты", и прежде всего состояние — "консистенция здесь бытия", — характеризующее "экзистенцию" политической позиции через совокупность наиболее существенных свойств, отношений и признаков в фиксированном пространственно-временном интервале при определенных условиях.

Состояние политической позиции может выражаться в виде "кардинального" свойства, характеристики данной позиции как самостоятельного явления поля политики относительно автономной "политической субреальности", т.е. такого свойства, которое определяет становление и развитие данной политической позиции именно как самостоятельной в конкретных исторических условиях и в определенном ансамбле

политических позиций и отношений. Понятие состояния акцентирует внимание на "механизме превращения" одной политической позиции в другую, на интенсиональной стороне развития поля политики.

Состояние политической позиции имеет чисто эмпирическое содержание и наглядно, хотя ненаблюдаемо: будучи "сходным вообще", эмпирическое понятие состояния политической позиции обладает наглядностью общих представлений (эмпирических представлений о сходных социальных объектах), но не может взаимодействовать с органами чувств ни прямо, ни косвенно, так как не является сущим в обществе, а есть результат абстракции отождествления характерных признаков сходных объектов.

Политическая позиция включает в себя политическую практику занимающих ее агентов и их отношения с другими позициями. Любое фиксированное состояние политической позиции есть единство ее прошлого и будущего в "контексте" (и "подтексте") истории поля политики. Множество политических отношений и взаимодействий, выполняющих сходные "функции" в поле политики, обуславливает определенную во времени линию изменений политической позиции.

Политическая позиция как теоретическое понятие абсолютна в той мере, в которой она непосредственна, т.е. существует через соотношение с собой, является причиной самой себя, безусловна в некотором отношении. И наоборот, политическая позиция как теоретическое понятие обусловлена в той мере, в которой она вовлечена в отношения, опосредована, имеет причину вне себя. Если бы абсолютный характер теоретического понятия "позиция поля политики" был определяющим, то сущность позиции полагалась бы предметной, как и сама позиция. Но поскольку *ratio essendi* политической позиции заключается в отношениях (политических, видов практик, специфических ресурсов и т.д.), по-

Поле политики представляет собой "сверхреальное" политических позиций, поскольку оно и является теми "возможными мирами", каждый раз ограничивающими пространство виртуальных позиций.

стольку она имеет релятивистскую природу, непредметна и опосредована. Следовательно, *causa finalis* политической позиции есть такая определенность практики, которая исчерпывающим образом опосредуется и "превращается" политическими отношениями и, значит, является политической определенностью. Место такой опосредованности занимает "предельная изначальность" политики — "укорененная" в бытии агентов политическая "изнанка практики".

В процессе развития позиции от состояния к состоянию обычно остается некая инвариантная совокупность характеристик, раскрывающая внутренние и внешние стороны политической позиции в их единстве — *политическое качество*. Политическое качество позиции как ее непосредственная определенность связано прежде всего с тем специфическим местом в поле политики, которое занимает эта позиция, и существует на двух уровнях: во-первых, это те политические отношения, социокультурные формы и связи между позициями в поле политики, которые системно детерминируют данную политическую позицию именно как самостоятельную относительно других; во-вторых, это особенное содержание индивидуальной, социопредметной и практически-процессуальной сторон конкретно-исторического бытия данной политической позиции. Эти два момента политического качества позиции взаимодополняют и взаимобуславливают друг друга как внешнее и внутреннее.

Проблемы описания состояний позиций поля политики

Социологическое описание какой-либо политической позиции имеет два аспекта: во-первых, описание состояния позиции в фиксированный момент времени и, во-вторых, описание изменения состояния со временем. Феноменологически ориентированная социология занимается по существу только первым

аспектом проблемы — именно состояния политических позиций в данный момент являются предметом подавляющего большинства публикуемых исследований. Что же касается второго аспекта, то в традиционной политологии он не рассматривается как повод для теоретических размышлений, и в отношении него в лучшем случае отделяются замечанием, что трансформация политической позиции обуславливается изменением политических интересов, трендом экономических факторов, констелляцией исторических условий и т.п. Иными словами, обычно предполагается, что динамика состояний политических позиций может быть выражена как статистический закон (набор "правил" подсчета вероятностей) для "допустимых" траекторий изменений.

То новое, что привносит наша концепция поля политики, относится преимущественно к первому аспекту проблемы — описанию состояний политических позиций в фиксированный момент времени. Опираясь на постмодернистские интуиции и опыт изучения поля политики России, мы берем на себя смелость утверждать, что состояния политических позиций нельзя описывать заданием всех возможных характеристик в некоторый момент времени. Другими словами, невозможно однозначно предсказать результаты всех наблюдений, измерений, экспериментов и т.п., которые можно провести над позициями поля политики. Это значит, что для политической позиции, находящейся в некотором известном состоянии, можно определенно предсказать лишь часть характеристик; другие характеристики в том же состоянии не могут быть однозначно предсказаны: если проводить одно и то же исследование неоднократно (мысленный эксперимент, заключающийся в том, что несколько раз исследуется политическая позиция, находящаяся в том же самом состоянии), то будут получаться разные результаты. За-

дать состояние позиции поля политики – значит знать о ней столько, что любые дополнительные данные будут вступать в противоречие с уже имеющимися в нашем распоряжении сведениями. Проблема здесь заключается в том, что политическая позиция (в условиях перманентного реструктурирования социального пространства России) способна относительно часто порождать новые политические позиции, а сама – устраняться. Поэтому нельзя построить последовательное описание, т.е. выделить для каждой позиции фиксированную совокупность характеристик, а придется объединять описание субъектов и отношений, состояний и процессов, которые в традиционном позитивистском подходе выступают как разные сущности.

Говоря о состояниях политических позиций, мы подчеркиваем, что всякая позиция поля политики может, в частности, находиться в состоянии, в котором какая-либо характеристика имеет совершенно определенное – "инвариантное" – значение. Следовательно, измерение такой характеристики почти наверняка приведет к одному фиксированному результату. Но можно ли найти какой-либо социологический смысл в соотношении двух разных состояний политической позиции, найти какое-либо место в концепции поля политики "действию", которое преобразует состояние позиции в некое новое состояние? Естественно предположить, что характеристика (определенность, свойство), "действуя" на состояние политической позиции, может "перевести" ее в другое состояние. Каждая характеристика "видит" в каждом состоянии политической позиции свое. Если состояние политической позиции является "инвариантным состоянием" данной характеристики, то в нем соответствующая характеристика имеет определенное "инвариантное значение". В этом случае "действие" характеристики на состояние политической

позиции сводится к атрибуции ей данного "инвариантного значения". Если же состояние политической позиции не является "инвариантным состоянием" характеристики, то оно может быть описано как результат композиции, интерференции "инвариантных состояний" других характеристик и всевозможных инвариантных значений данной характеристики. Параметры этой композиции (интерференции) определяют вероятность того или иного значения рассматриваемой характеристики состояния политической позиции.

Анализ позиции поля политики вскрывает ее дуализм – в самой себе (в прошедшем–настоящем) и в своем "ином", представляющем собой некое реальное возможное (в будущем), которое в принципе может быть другим. Политическая позиция бытийствует постольку, поскольку она есть "политическое качество" – пребывание в устойчивом наличии и определенности агентов в некотором "локусе" поля политики. С этим локусом связано специфическое сочетание ресурсов, находящихся в распоряжении агентов, политических практик и т.п. Но бытие позиции поля политики не равно самому себе, так как позиция бытийствует не сама по себе, а в ансамбле и посредством ансамбля постоянно меняющихся политических отношений, подверженных флуктуациям. Следовательно, современное состояние поля политики не полностью обуславливает его будущее состояние, и, основываясь на социологических знаниях, можно определить лишь вероятность будущих изменений. Точнее, будущее определяется прошлым, настоящим и будущим же (тривиальный пример – "эффект Эдипа" К.Поппера). Кроме того, вероятность в смысле А.Н.Колмогорова (или Р. фон Мизеса) применима только к описанию "массовых" явлений поля политики, тогда как "поведение" отдельной политической позиции или агента не объясняется теорией вероятностей.

Задать состояние позиции поля политики – значит знать о ней столько, что любые дополнительные данные будут вступать в противоречие с уже имеющимися в нашем распоряжении сведениями.

Виртуальной политической позицией мы называем ту, политическое качество которой при мысленном изменении нескольких изохронных инвариантов "бесконечно мало" отличается само от себя. Поле политики как пространство виртуальных позиций является обобщением понятия ансамбля политических отношений на ситуации, где возможные состояния имеют характер не "точек", а "линий". Виртуальная природа политической позиции определяется тем, что ее изохронное состояние обусловлено прошлым, настоящим и будущим поля политики, причем бесконечно малые различия политического качества позиции детерминируются как бесконечно большими, так и бесконечно малыми "элементами" поля.

В поле политики социолог больше интересуется отношениями позиций и их состояний, чем содержанием позиции, политической практики и т.д. В этом плане социологическая концепция поля политики представляет собой теорию, в которой мы не слишком заботимся о том, чтобы узнать "онтическую" определенность предмета, о котором говорим. Но сущность политической позиции не независима от ее существования. "Фактичность" политической позиции есть то, что она есть, — стохастическое пребывание в относительной неизменности специфического сочетания активных характеристик агентов, их практик и т.д. Однако политическая позиция существует только через изменение характеристик, ресурсов, практик и т.д., причем результат этого изменения имеет стохастическую, а не детерминистскую природу. Поэтому политические позиции лабильны, они подвержены постоянным флуктуациям.

Виртуальная природа политической позиции определяется тем, что ее изохронное состояние обусловлено прошлым, настоящим и будущим.

Позиция поля политики как состояние и процесс

Изменение политической позиции в границах ее контингентности может

быть представлено, во-первых, как возникновение того, что *in actu* или *in potentia* уже содержалось в ней, и, во-вторых, как появление иного, чего-то становящегося или ставшего, рядоположенного "предпрошедшему". Когда мы говорим, что позиция поля политики "неотождествлена себе самой", мы в первую очередь имеем в виду, что она не есть органическое единство устойчивости и изменчивости и что содержание позиции не реализуется посредством изменчивости данной устойчивости, так как в противном случае мы имели бы перманентное сохранение состояния политической позиции посредством ее изменчивости. Если бы политическая позиция "процессировала", развертывая то, что присуще ее настоящему состоянию и ее иному, положенному в соответствии с классической традицией как "свое" иное, т.е. такое иное, которое представляет собой и необходимое следствие изменения политической позиции, и обязательное условие соотношения данной политической позиции с другими, то процесс политической позиции был бы тождествен ее состоянию.

Двойственность политической позиции — как состояния и процесса — отражается понятиями "бытие в самом себе" и "бытие в ином". Принципиальная особенность нашего подхода к проблеме иного политической позиции состоит в том, что мы не полагаем его следствием изменения состояния позиции, из которого затем складывается необходимое условие, *modus vivendi* и *modus operandi* агентов, занимающих данную политическую позицию. Иное в нашей концепции поля политики может быть несвязным и внесистемным элементом; иное — это "гость из будущего", невовлеченный в сферу общих форм, но оставшийся в мире бессвязных единичностей. Иное — это то, что еще или уже не принадлежит полю политики. Такой взгляд на проблему иного следует из признания того обстоятельства, что поле политики открыто, "входит в контекст" социального пространства, приобретая при этом

"внешние измерения". "Кочующие" внешние измерения делают "нормой" поля политики "сбои" его системности и структурности и придают иному маргинальный, спорадический характер. Иное как внешнее указывает на "нестроения" в основаниях современного политического порядка России, его динамическую напряженность.

Как традиционные социологи мы обязаны мыслить, соблюдая принцип исключенного третьего. Вместе с тем, в непосредственной жизни общества разные поля социального пространства не ощущаются иным по отношению друг к другу. Поле политики и его иное не являются взаимными жесткими оппозициями, и это главная отличительная черта нашего времени. Размывание различия своего и иного имеет далеко идущие следствия. Автономия поля политики не исключает, а только подчеркивает известную интегрированность полей социального пространства. Именно эта интегрированность обеспечивает возможность взаимопроникновения различных полей, конверсии ресурсов (капиталов) одного вида в другой. Следующим логическим шагом на этом пути будет утверждение принципиальной неоднозначности (контингентности) любых социальных явлений и обратимости любых общественных, в том числе и политических, процессов.

Отсутствие радикального иного поля политики приводит к тому, что в нем действуют не субъекты, но агенты — индивиды, не проявляющие и не переживающие свою индивидуальность, единичность как внеположность и противопоставленность. На место индивидуальностей в политике приходит "индивидуация" (К.Г.Юнг) "серийных" (Ж.П.Сартр) агентов, а политический дискурс превращается в "анонимное бормотание" (М.Фуко). Если субъекты реализуют сознательную целенаправленную практику, то агенты осуществляют политические стратегии — своеобразные системы практики, движимые целью, но не на-

правляемые сознательно этой целью; если политическая практика субъекта регулируется его сознанием (точнее, изменение сознания субъекта обуславливает изменение его практики), то политическая стратегия агента отражает имманентную необходимость ситуации — это не результат сознательного стремления на основе знания, но и не продукт внешнего принуждения.

Отрыв политической практики от предмета, от конечной и действующей причин — вот в чем заключается сущность современных перформансов российской политики. Современный агент поля политики и политическое действие не противостоят друг другу как полюсы процесса, а сопоставлены скорее как акт и потенция у Аристотеля. При этом разрыв между актом и потенцией, между агентом и его практикой становится нефиксированным: действие существует как бы наряду с деятелем, и агент зачастую теряет представление о других агентах поля политики. Поэтому современное поле политики России формирует универсум непрерывно становящихся и преходящих значений: как только мы фиксируем какое-либо политическое значение, оно сразу же снимается, изменяется, превращается во что-то совсем иное. Другими словами, современные политические значения суть нечто ускользающее, зыбкое, мерцающее.

Переживаемый нами кризис политической системы России связан с переосмыслением смыслов и переоценкой ценностей политической практики, когда все стало сомнительным и единственную опору каждый агент поля политики ищет внутри себя самого. Кризис ценностно-смысловой сферы политической практики обусловлен тем, что современное политическое пространство состоит из "моделей" и "симулякров" (фантомов значений), не имеющих никаких референтов, не укорененных ни в какой реальности, кроме их собственной — универсума самореферентных знаков [7]. Симуляция скрывает отсутствие значения политической практики, создавая иллюзию присутствия, и тем самым устраняет различие реального и воображаемого политического действия. Чрезмерное увлечение абстрактно-одномерными моделями поля политики и симулякрами формирует в России пространство "новой реально-

Отрыв политической практики от предмета, от конечной и действующей причин — вот в чем заключается сущность современных перформансов российской политики.

сти", тогда как в других исторических условиях политическая реальность порождает политическое воображение.

Примером "гиперреальности" а ля Бодрийар может служить "гайдарономика". Чего стоило одно лишь фантастическое представление правительства о том, что формирование бездефицитного бюджета может стать объединяющей национальной идеей, или надежды на то, что население будет стойко переносить все тяготы и лишения реформы ради интеграции в "мировое сообщество" или построения "цивилизованного общества". Исход субъектов политической практики из своей сущности ведет к тому, что российское поле политики стремится к катастрофам, полусам противоречий, а не к равновесию, балансу сил.

Одной из движущих пружин упадка политической системы и, в первую очередь, дистрофии российского государства является разрушение гиперреальностью политического дискурса, т.е. коммуникации, направленной на обсуждение и обоснование значимых аспектов политических действий, суждений, интересов участников политического процесса. Образцом такого сознательного нарушения политического дискурса является, например, реализация в практике правительства Гайдара модели "консенсуса умолчания". Суть этой модели состояла в том, чтобы не подвергать публичному обсуждению программу реформ, опираясь, как на доказательство достижения консенсуса (согласия значимого большинства граждан относительно наиболее важных сторон социального порядка), на отсутствие массового протеста против предпринимаемых правительством действий. Однако систематически извращаемая "по умолчанию" политическая коммуникация приводит к фатальным для государства последствиям: господствует аномия (граждане, зная о существовании политических норм и эталонов, относятся к ним нега-

тивно или отчужденно), происходят делегитимация властных структур и политическая дезориентация граждан.

Выход политической системы России из кризиса видится нам в восстановлении агентами поля политики связей с реальностью, находящейся вне их собственного сознания. Такой реальностью выступают другие политические агенты, институты политической системы, социальные и политические силы, действующие в обществе. Только формирование рационально-критической установки политического действия, осуществляемое в коммуникации правительства со всеми политическими силами, предоставление гражданам возможности целесообразно и сознательно управлять социальным развитием и постепенно строить государственные институты сообразно своим потребностям могут гарантировать стабилизацию политической системы.

Переживаемый нами кризис политической системы России представляет собой "практическое открытие" иного поля политики, находящегося по ту сторону политических представлений, коммуникаций, действий и т.п. В свете этого открытия мы рассматриваем поле политики как своеобразную функцию этого иного — самой исторической непосредственной жизни российского общества. И это иное не разрушительно по отношению к полю политики, а выступает как (онтологическая) гарантия быть принятым и сохраненным, поскольку "чистая политика" в современной России не может обосновать сама себя.

Список литературы

1. Качанов Ю.Л. Диспозиции и позиции поля политики // Российский монитор: Архив современной политики. — 1992. — Вып.1. — С.117 — 132.
2. Bourdieu P. Distinction. A Social Critique of the Judgement of Taste. — Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1984.
3. Бурдьё П. Социальное пространство и генезис "классов" // Вопросы социологии. — 1992. — Т.1. — N1. — С.17 — 37.
4. Giddens A. Profiles and Critiques in Social Theory. — Lond.: Macmillan, 1982.
5. Mauss M. Techniques of the Body // Economy and Society. — 1992. — Vol.2. — P.70—88.
6. Bourdieu P. The Logic of Practice. — Cambridge: Polity Press, 1990.
7. Baudrillard J. Selected Writtings. — P., 1988.